

Иллич-Свитыч Владислав Станиславович

Надгробное слово Александру

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владислав Станиславович И.**
Надгробное слово Александру / Иллич-Свитыч Владислав Станиславович – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 111 с.

ISBN 978-5-519-86945-4

ISBN 978-5-519-86945-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

„Осмотрѣть хорошенъко!“ киваетъ смотритель въ сторону стоящаго невдалекѣ, надзирателя. Начинается тщательный осмотръ вещей. Нѣсколько книгъ и свертокъ бумаги кладутся на столъ передъ смотрителемъ.

„Книги можешь взять съ собой“ — обращается смотритель къ вызванному. „А это что? — табакъ! Выбросить!“ Ты и опять это „ты“ подчеркивается и послѣ него дѣлается небольшая пауза, — „ты, Вишевскій, пойдешь въ лѣвую одиночку.“

Юноша, пожавши руку товарищамъ, сопровождаемый надзирателемъ и двумя жандармами, отправляется въ глубину двора.

Та же процедура продѣлывается и съ остальными, причемъ въ лѣвую одиночку отправляютъ еще одного, а двухъ другихъ ведутъ въ правую.

Оставимъ пока смотрителя съ его бумагами, весело болтающаго съ жандармскимъ офицеромъ, и последуемъ за тѣми, которыхъ повели въ правую одиночку.

Пройдя по двору шаговъ 50 и завернувъ за уголъ главнаго тюремнаго зданія, они стали подходить къ одноэтажному строенію, гораздо меньшихъ размѣровъ, чѣмъ „главный корпусъ.“ Надъ входными дверьми красовалась надпись: „правая одиночка.“ Отворивъ дверь, надзиратель ввелъ своихъ арестантовъ въ довольно длинный корридоръ, тускло освѣщенный керосиновыми лампами, поставленными въ амбразурахъ надъ дверьми каждой кельи. Изъ надзирательскаго номера появилась фигура надзирателя, повидимому, спавшаго передъ тѣмъ, который торопливо застегивалъ ремень съ болтающимся на немъ револьверомъ.

„А, повенькихъ привели, господа!“ обратился онъ къ жандармамъ.

„Да, принимайте подъ сдачу. Счастливо оставаться“ — обратились къ арестантамъ уходившіе жандармы, за которыми усердный надзиратель поспѣшилъ затворить дверь.

„Степановъ, сходи къ смотрителю за ключами — обратился „старшій“ къ подонедшему къ нему въ то время изъ другого конца корридора „младшему.“

По уходѣ послѣдняго, старшій надзиратель сталъ обыскивать приведенныхъ. Онъ заставилъ ихъ разуться, тщательно осмотрѣлъ „коты“, снялъ халатъ и подвергъ все тщательному осмотру; затѣмъ приступилъ къ ощупыванію по всѣмъ направленіямъ надѣтаго на арестантахъ бѣлья. Черезъ нѣсколько минутъ были принесены ключи, и вновь прибывшіе отправлены въ назначенные имъ номера, которые тотчасъ же были заперты на ключъ.

Номера, въ которыхъ помѣстили прибывшихъ, представляли изъ себя каждый компату длиной въ 5, а шириной въ $2\frac{1}{2}$ шага. У одной изъ стѣнъ прикрѣплена деревянная койка, у противоположной, въ углу, приколочень деревянный столикъ, нѣсколько больше квадратнаго аршина. Возлѣ стола — деревянная табуретка, рядомъ съ которой помѣщается ящикъ, въ кубическій аршинъ величиной, это — „парашка“ — необходимая принадлежность всѣхъ российскихъ тюремъ. Противъ входной двери находится небольшое окно, съ двумя рядами стеколъ, изъ которыхъ нижній рядъ замазанъ снаружи сѣрой краской. Окно расположено на высотѣ роста средняго человѣка. Дверь довольно массивной конструкціи окована съ внутренней стороны сплошь листовымъ

желѣзомъ. Вверху двери пуговка отъ звонка, а посрединѣ квадратное отверстіе въ $\frac{1}{4}$ аршина, запираемое плотно окованной желѣзомъ форточкой. Надъ дверьми сквозная въ корридоръ амбразура, въ которую на ночь ставится лампа. Всѣ номера въ такомъ же родѣ. Разница между ними лишь та, что расположенные на сѣверной сторонѣ корридора—нѣсколько больше; внутреннее устройство и мебель тѣ же.

Порядокъ, существующій въ обыденной жизни заключенныхъ, состоитъ въ слѣдующемъ: часовъ въ 6 утра лѣтомъ и въ 7 зимой надзиратель начинаеть отпирать номера для того, чтобы заключенные привели ихъ въ порядокъ, т. е. вынесли парашни, подмели полы, а разъ въ недѣлю и помыли ихъ съ помощью швабры и постирали пыль. Это отпирание номеровъ производилось всегда такъ, чтобы заключенные не могли видѣть другъ друга. Для достиженія цѣли, надзиратель отпиралъ номеръ, лежащій въ глубинѣ корридора, выпускалъ заключеннаго съ парашкой, а по возвращеніи давалъ ему щетку и отпиралъ номеръ, лежащій ближе къ входной двери. Обитатель этого номера продолывалъ то же, что и выпущенный передъ нимъ. Когда оба номера были выметены, они тщательно запирались, и надзиратель поступалъ такъ же съ двумя другими. Начиная съ этого времени, заключенныхъ выводили на прогулку. Гуляли въ трехъ мѣстахъ, расположенныхъ такимъ образомъ, чтобы гуляющіе, по возможности, не могли видѣть другъ друга, а если это когда-либо случалось, то даже простое раскланываніе издали вызывало неудовольствіе на лицѣ надзирателя, а подчасъ и замѣчаніе. Во время прогулокъ, возлѣ каждаго гуляющаго все время торчалъ надзиратель, наблюдавшій

за нимъ. Номеровъ въ правой одиночкѣ, кромѣ занимаемаго надзирателями, пятнадцать, и всѣ они были заняты. Иногда при утреннихъ выпусканіяхъ кто-нибудь изъ проходящихъ по корридору заключенныхъ крикнетъ своему товарищу привѣтъ или освѣдоменіе о здоровьѣ. За такую дерзость всѣ, находящіеся на лицо, надзиратели, другъ передъ другомъ, накидываются на ослушника приказаній начальства. Такъ напримѣръ, на другой день по прибытіи новыхъ, о которыхъ мы упомянули въ началѣ разказа, Мышкинъ*), проходя по корридору, кричитъ:

— Откуда вы, товарищи? по какому дѣлу и какъ ваши фамиліи?

— Ну, ну, иди, не останавливайся, не разговаривай, проваливай дальше — накидываются всѣ присутствующіе надзиратели, и пока Мышкинъ усиѣваетъ выслушать отвѣтъ, его уже ухватили за руки и тащутъ...

Нужно вамъ знать, читатель, что въ комнатѣ, занимаемой надзирателями, на стѣнѣ была приклеена писанная инструкція за подписью смотрителя Грицyleвскаго, благороднаго офицера въ отставкѣ, сподвижника Муравьева-Вѣнателя въ 60-хъ годахъ въ Литвѣ. Содержаніе инструкціи приблизительно слѣдующее:

„Каторжнымъ арестантамъ, заключеннымъ въ одиночныя камеры, не позволять пѣть, свистать, говорить, читать вслухъ; наблюдать, чтобы они не видѣлись другъ съ другомъ и вообще не имѣли между собою никакихъ сношеній. Обращаясь къ нимъ съ чѣмъ-нибудь, надзиратели должны

*) Осужденъ особымъ присутствіемъ сената на десять лѣтъ каторжныхъ работъ по процессу 193-хъ.

„говорить непременно „ты.“ О всякомъ неисполненіи заключеннымъ требованій надзирателя немедленно докладывать „миѣ. За неисполненіе предписаннаго въ настоящей инструкции съ виновнаго будетъ сдѣлано строгое взысканіе.

„Смотритель тюрьмы Грицылевскій.“

Прогулками пользуется каждый изъ заключенныхъ около часу времени два раза въ день. Часовъ около 10 разносятъ хлѣбъ. Отворяется дверная форточка, въ нее просовывается рука надзирателя съ 2½ фунт. чернаго хлѣба, и изъ-за двери слышится голосъ: „бери хлѣбъ.“ Въ одиннадцать часовъ время обѣда. Раздаютъ его въ деревянныхъ посудахъ, именуемыхъ „бачками,“ вмѣстимостью въ 90 кубическихъ вершковъ. Содержимое этихъ „бачковъ“ состоитъ изъ такъ называемыхъ щей — мутной, темной водички съ обрывками мяса и капельками сала въ скоромные и со слѣдами коноплянаго масла въ постные дни. Кромѣ этихъ слѣдовъ животныхъ и растительныхъ продуктовъ въ бачкѣ плаваютъ и лежатъ на днѣ кусочки рубленыхъ капустныхъ листьевъ, ткань которыхъ почти успѣла превратиться въ древесину. Послѣ обѣда раздается для питья вода или квасъ; впрочемъ, воду можно имѣть въ любое время. Послѣ обѣда опять начинается гуляніе въ томъ же порядкѣ, какъ и утромъ. Въ пять часовъ ужинъ, состоящій изъ той же мутной воды, въ которой капуста замѣнена крупой, съ тѣми же слѣдами сала или масла. Часовъ въ 6 — 7 номера запираются на всю ночь. Вначалѣ лампы не давались внутрь, а, какъ мы уже сказали, ставились надъ дверьми въ амбразурахъ. Освѣщеніе при такомъ порядкѣ настолько скудно, что о чтеніи печего и думать. Впослѣдствіи, по просьбѣ нѣкоторыхъ заключенныхъ, имъ стали

давать до 9 часовъ лампы внутрь камеръ, послѣ чего онѣ ставились все-таки на свое мѣсто.

Мы начали свой рассказъ со времени привоза послѣднихъ „политическихъ“ въ центральную тюрьму отчасти потому, что читатели уже нѣсколько знакомы съ порядками и съ происходившимъ здѣсь до этого времени изъ брошюры „Заживо погребенные“; отчасти потому, что съ этого времени много интереснаго стало въ жизни заключенныхъ, а отчасти потому, что какъ разъ съ этого момента терроръ начинаетъ систематизироваться, вызывая со стороны правительства новыя и новыя репрессаліи, неостающіяся безслѣдными и для обитателей каторжныхъ одиночекъ.

II

Четвертаго августа въ Петербургѣ былъ убитъ Мезенцевъ. Черезъ 2 — 3 дня, въ централкѣ, передъ разсвѣтомъ, когда въ одиночкахъ всѣ еще спали, амбразуры надъ дверьми были закрыты приспособленными для этой цѣли досками, камеры осторожно отворены и къ каждому обитателю номера ворвалось по два надзирателя, которые стали производить самый тщательный обыскъ. До этого времени, проживавшая въ Печенегахъ мать одного изъ заключенныхъ присылала кое-что изъ сѣстнаго для всѣхъ 28 человѣкъ политическихъ. Послѣ убійства Мезенцева это ей было воспрещено, и свиданія съ сыномъ, которыя ей давались одинъ разъ въ мѣсяцъ, прекращены.

У заключенныхъ, благодаря присылкѣ нѣкоторымъ изъ нихъ родными книгъ, образовалась небольшая библіотека, которой, разумѣется, пользовались всѣ.

При полученіи книгъ изъ библіотеки въ номера и при возвращеніи ихъ, онѣ каждый разъ подвергались самому тщательному перелистыванію. Всякій кусочекъ чистой бумаги вырывался изъ книгъ для того, чтобы воспрепятствовать сношеніямъ заключенныхъ между собой посредствомъ переписки. Не смотря на всѣ предосторожности, принимаемыя въ этихъ видахъ тюремной администраціей, желающіе все-таки переписывались. Какъ это происходило, мы, по очень понятной причинѣ, не объясняемъ. Предосторожности въ этомъ случаѣ доходили порой до глупости. Неудовлетворяясь вырываньемъ чистой бумаги изъ книгъ, смотритель сталъ замазывать чернилами даже тѣ чистыя страницы, на оборотной сторонѣ которыхъ есть текстъ. Принадлежности для письменныхъ занятій выдавались въ видѣ тетрадокъ, пронумерованныхъ и скрѣпленныхъ подписью смотрителя.

III

Ежедневная жизнь заключенныхъ тянулась съ ужаснымъ, доводящимъ до оупѣнія однообразіемъ. Сначала вновь прибывшіе обыкновенно набрасывались на книги, читали, изучали языки и т. п.; но скоро это начинало имъ надоѣдать. Организмъ уставалъ отъ такой односторонней работы; ему нуженъ былъ трудъ, кромѣ мозгового, мускульный, а его то и не было. И вотъ начинаются обращенія къ смотрителю, съ просьбой дать какую нибудь мускульную работу. Отвѣта на это заявленіе нѣтъ никакого.

Просьбы продолжаются, но безъ результата. Наконецъ такое положеніе становится невыносимымъ...

Вечерь... Тишина почти абсолютная : всѣ чѣмъ нибудь заняты въ своихъ померахъ. Вдругъ изъ 7-го номера, гдѣ сидитъ Мышкинъ, раздастся громкій голосъ, рѣзко отчеканивающій каждое слово :

Я тре-бу-ю фи-зи-че-ска-го тру-да, я тре-бу-ю мускуль-ной ра-бо- ты!

Эти фразы повторяются разъ пять. Надзиратель подбѣгаетъ къ двери и въ свою очередь начинаетъ кричать :

„Замолчи, чего ты орешь? Перестань, а не то, я сейчасъ на тебя наручни надѣну“*).

Требованіе продолжается и на угрозы надзирателя не обращается вниманіе.

„Я тебѣ ротъ завяжу, если ты не замолчишь!“

Ноль вниманія : Мышкинъ продолжаетъ свое требованіе, которое повторяется еще нѣсколько разъ. Объ этомъ происшествіи, конечно, доносится смотрителю, который повидимому пока ничего не предпринимаетъ для удовлетворенія требованія Мышкина.

На другой день повторяется та же исторія, только съ другимъ финаломъ : съ вечерней прогулки Мышкинъ не возвращается, о чемъ обитатели одиночки узнаютъ отъ Плотникова*), который, проходя на другой день утромъ по корридору, кричитъ :

„Братцы! Мышкина у насъ украли; вчера онъ не почевалъ дома.“

*) „Наручники“ называются цѣпи, надѣваемые на руки ; кольца, обхватывающія руки powyше кистей, запираются замкомъ.

*) Осужденъ на пять лѣтъ въ каторжныя работы по дѣлу Долгушина.

„Иди, иди, проваливай, не разговаривай, а то самъ понадешь туда, гдѣ Мышкинъ“, раздастся грубый голосъ надзирателя.

Да, Мышкина украли: послѣ вечерней прогулки, вмѣсто возвращенія въ свою камеру, увели въ „главный корпусъ тюрьмы.“ Смотритель Грицылевскій удовлетворилъ требованію Мышкина, посадивъ дерзкаго въ карцеръ...

Пойдемте съ нами, читатель, и посмотримъ, что представляетъ изъ себя центральный каторжный карцеръ. Отворивъ подъѣздную дверь, мы очутимся въ широкомъ и длинномъ корридорѣ, въ обоихъ концахъ котораго, рядомъ съ окномъ, виднѣется по одной двери. Отворивъ любую изъ этихъ дверей, мы входимъ въ другой корридоръ, значительно меньшихъ размѣровъ; онъ служитъ умывальной комнатою и ведетъ въ отхожія мѣста. Стѣна, идущая вдоль середины этого корридора, раздѣляетъ его на двѣ половины, изъ которыхъ одна и есть умывальная комната, а другая, опять таки раздѣленная пополамъ, заключаетъ въ себѣ карцерный корридорчикъ и карцеры. Въ карцерахъ абсолютная темнота. Атмосфера насыщена амміакомъ и сѣрнистымъ водородомъ, выдѣляющимися въ изобиліи изъ сосѣдняго отхожаго мѣста и ряжекъ, находящихся въ самыхъ карцерахъ, куда испражняются посаженные въ карцеры. Размѣры этихъ темныхъ клѣтокъ таковы, что, если человѣкъ средняго роста ляжетъ на полъ (а тамъ только и можно лежать, потому что, кромѣ ряжки, мебели никакой), то онъ погами упирается въ дверь, а головою въ противоположную сторону. Расправивъ локти, онъ коснется обѣихъ боковыхъ стѣнокъ. Попавшему сюда дается въ пищу хлѣбъ и вода, коли-

чество которыхъ, начиная съ $\frac{1}{2}$ фунта перваго можетъ быть уменьшено по усмотрѣнію начальства. Вотъ этимъ то самымъ карцеромъ Мышкинъ получилъ удовлетвореніе въ своемъ требованіи труда!...

Узнавъ объ этомъ, заключенные заволновались и потребовали къ себѣ смотрителя, который, явившись, сталъ заходить ко всѣмъ въ номера, гдѣ отъ каждаго долженъ былъ выслушать то или другое заявленіе по поводу Мышкина. Черезъ день Мышкинъ былъ выпущенъ, а черезъ два — заключенные получили возможность имѣть мускульную работу; имъ было позволено пилить и колоть дрова. Такъ какъ разрѣшено было работать одновременно только одному, то въ помощь ему давались уголовные арестанты изъ татаръ, не говорившіе по русски. Понятно, что такое занятіе не долго могло удовлетворять работающихъ. Пиленіе дровъ — трудъ, самъ по себѣ крайне бессмысленный, чисто механическій, требующій одного напряженія мышцъ. Кромѣ того, это трудъ не легкій, требующій большой траты силъ, которыя и безъ того не могли восстанавливаться вполне, благодаря плохому и недостаточному питанію. Слѣдствіемъ этой работы явилась слабость, упадокъ силъ, общее разстройство организма, которое дѣлало еще болѣе невыносимыми тѣ тяжелыя условія, въ которыя были поставлены заключенные. Стали просить о разрѣшеніи заняться какими нибудь ремеслами, но всѣ эти просьбы оставались долгое время безъ удовлетворенія. До чего доходило желаніе администраціи изолировать другъ отъ друга заключенныхъ, можно видѣть, на примѣръ, изъ слѣдующаго: замѣтивъ, что нѣкоторые подставляютъ къ печи табуретки и переговариваются въ душникъ, Грицылевскій прика-